

Bibliography (Transliterated)

1. Digesty Yustiniana. M., 1984. S.23.
2. Mixajlenko O.V. Publichnye yuridicheskie lica v chastnom prave i chastnye yuridicheskie lica v publichnom prave // Zhurnal rossijskogo prava. 2011. №3. S.111.
3. Tam zhe. S.116.
4. Bolgova V.V. Obshhaya karakteristika material'nyx teorii razgranicheniya prava na publichnoe i chastnoe // Pravo i politika. 2008. №7. S.1566.
5. Korshunov N.M. Chastnoe i publichnoe pravo: problemy formirovaniya sovremennoj teorii konvergencii // Zhurnal rossijskogo prava. 2010. №5. S.67.
6. Maxniboroda I.M. Karakteristika mezhdunarodnoj processual'noj pravospособnosti // Sovremennoe pravo. 2010. №11. S.130; Ershov V.V. Sootnoshenie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava v usloviyax globalizacii // Rossijskoe pravosudie. 2011. №6 (62). S.5.
7. Gorbunov M.A. Pravoponimanie rimskix yuristov kak faktor sistemnosti rimskogo pravoporyadka // Zakon i pravo. 2010. №5. S.119.
8. Dolgoplova T.A. geopoliticheskaya ideya «vsemirnoj imperii» imperatora Karla V // Sovershenstvovanie pravovykh form mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sovremennykh usloviyax: Sb. nauch. st. po mat. IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 22-23 oktyabrya 2009 g. Rostov n/D., 2009. S.430.
9. Baev V.G. Gosudarstvennye interesy v mezhdunarodno-pravovykh vzglyadax Bismarka // Sovremennoe pravo. 2010. №4. S.163, 165-166.
10. Ershov V.V. Sootnoshenie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava v usloviyax globalizacii // Rossijskoe pravosudie. 2011. №6 (62). S.4.
11. Alekseeva E.V. Primenenie sudami i arbitrazhami publichno-pravovykh norm pri priznanii vneshneekonomicheskikh sdelok nedejstvitelnymi // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2009. №2. S.160.
12. Prokopovich G.A. O sistemnoj modeli yuridicheskoy otvetstvennosti v publichnom i chastnom prave // Sovremennoe pravo. 2010. №1. S.6.

УДК 94(47).084.8

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ АДВОКАТУРЫ С 1917 ПО 1930 гг. (НА ПРИМЕРЕ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Т.Г.Мишина

Гуманитарный институт НовГУ, tanya.mishina@mail.ru

Содержание статьи является осмыслением становления и развития института адвокатуры советского периода с 1917 по 1930 гг. на примере Новгородской губернии с позиций исторической науки. Автор описывает особенности деятельности новгородской адвокатуры в вышеуказанный период, фокусируя свое внимание на положении адвокатов в системе советских органов государственной власти и делая вывод об определенной автономии института адвокатуры по отношению к власти.

Ключевые слова: советская адвокатура, советская история, исследования, адвокат, Новгородская область

This article describes historical development of Soviet advocacy from 1917 to 1930 by the example of Novgorod region from the view of historical science. Author writes about peculiarities of functioning of Novgorod advocacy of that period, focusing attention on the situation of lawyers in the Soviet system of government bodies, making a conclusion about the degree of autonomy of the advocacy in relation to power.

Keywords: Soviet advocacy, Soviet history, investigations, advocate, Novgorod region

В истории советской адвокатуры не могла не отразиться история всей страны. Изучение истории развития советской адвокатуры с 1917 по 1930 гг. позволяет исследователям лучше разобраться в характере современного общества и государства.

В 1917 г. адвокаты как специалисты, происхождение которых было связано со старым режимом, представляли угрозу партийной монополии на политическую власть. Ведь никак нельзя было полагаться на то, что адвокаты будут преданно способствовать выполнению революционных политических и социально-экономических программ. Советское решение этой дилеммы состояло в следующем: использовать в течение недолгого времени знания и опыт старой интеллигенции и создать в будущем хорошо управляемую советскую элиту [1].

После прихода к власти большевиков в 1917 г. началось становление новых принципов системы судопроизводства. По инициативе местных Советов стихийно возникали новые судебные органы: революционные суды, народные суды, мировые суды, суды народной совести и др. В своих решениях они руководствовались «революционной совестью», «ре-

волюционным правосознанием» и обычаями [2]. Первым государственным актом, положившим начало формированию единой судебной системы, стал принятый 22 ноября 1917 г. Советом Народных Комиссаров Декрет о суде, который вошел в историю как знаменитый Декрет №1. Он упразднял все общие судебные установления: судебные палаты, правительствующий Сенат со всеми департаментами, военные и морские суды, коммерческие суды. Ликвидировались и окружные суды, в том числе и Новгородский окружной суд. Вместо прежних судебных органов создавались местные суды и революционные трибуналы, которые могли руководствоваться «законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» [3]. Пунктом третьим Декрет упразднял существовавшие тогда институты судебных следователей, прокурорского надзора, а также институты присяжной и частной адвокатуры [4]. Реакцией на декрет со стороны присяжных поверенных было резкое неприятие власти большевиков. Адвокатуры Петрограда и Москвы потребовали созыва Учредительного

собрания. Вместе с тем некоторые адвокаты считали, что их долг защищать своего клиента, невзирая на перемену власти. И именно они вступили позднее в созданные в 1918 г. коллегии правозаступников, пополнили ряды советских служащих или университетской профессуры, как А.Ф.Кони [5]. Упразднив институты присяжной и частной адвокатуры, новая власть, однако, не отказалась от самой идеи защиты в суде. «В роли обвинителей и защитников, допускаемых и в стадии предварительного следствия, а по гражданским делам — поверенными» упомянутый Декрет о суде допускал всех не опороченных граждан обоего пола, пользующихся гражданскими правами [6]. Тем самым происходил отказ от профессионализма адвокатов. Попытку создать социалистическую альтернативу традиционной адвокатуры предпринял и Наркомат юстиции, издавший 19 декабря 1917 г. специальную Инструкцию революционному трибуналу [6].

30 ноября 1918 г. ВЦИК РСФСР издал Декрет (Положение) о Народном суде РСФСР. Согласно нему, при уездных и губернских исполкомах Советов рабочих и крестьянских депутатов учреждались коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе. Члены коллегии избирались исполкомами, считались должностными лицами и получали содержание в размере оклада, установленного для народных судей. Защитники допускались к участию не во всех процессах по уголовным делам, а только в тех, в которых участвовали шесть народных заседателей. Отдельной статьей Положения оговаривалось, что плата за участие членов коллегии определялась и взималась с обвиняемых и сторон судом и зачислялась в доход Республики [7]. В соответствии с предписаниями указанного Положения в Новгороде была образована Новгородская губернская коллегия защитников. Следует отметить, что по своему составу она была достаточно многочисленной и на момент своего учреждения состояла из 11 бывших членов коллегии правозаступников. В дальнейшем состав членов коллегии периодически пересматривался и утверждался советскими органами. Так, 15 декабря 1918 г. состоялось очередное заседание президиума губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, на котором одним из пунктов повестки дня был вопрос о составе Новгородской коллегии защитников и о сроке созыва съезда членов коллегии [7]. Начало 1920-х гг. отмечено систематизацией законов, кодификацией советского гражданского, уголовного и иного законодательства. Народный комиссариат юстиции РСФСР 5 июля 1922 г. утвердил Положение о коллегии защитников [7]. Согласно новому Положению, члены Новгородской губернской коллегии защитников первого состава утверждались президиумом губисполкома по представлению губернского отдела юстиции. В дальнейшем прием производился президиумом коллегии защитников, а сведения об этом доводились до президиума губисполкома, которому предоставлялось право отвода принятых новых членов коллегии. Губернский суд и прокуратура наделялись надзорными полномо-

чиями за ее деятельностью. На момент учреждения Новгородской губернской коллегии защитников в 1922 г. в ее составе было 47 человек. Члены коллегии защитников первого состава работали прежде юристами предприятий и организаций, народными судьями и следователями. По социальному положению 37 членов коллегии защитников принадлежали к интеллигентным слоям, 4 — к рабочему классу, 5 — к крестьянству, 1 адвокат был мещанином. Соответствующим социальному положению был и уровень образования: 33 члена коллегии защитников имели высшее образование, 7 — среднее, остальные адвокаты получили низшее или домашнее образование. Из общего количества только четверо являлись членами коммунистической партии, остальные были беспартийными [7].

В каждом уезде президиум назначал среди работающих там членов одного уполномоченного члена коллегии защитников (ЧКЗ). На него возлагался контроль над работой адвокатов в своем уезде, он должен был проводить на вверенной ему территории исполнение решений президиума коллегии и Новгубсуда, представлять интересы адвокатов своего уезда на общем собрании членов коллегии. Деятельность уполномоченного ЧКЗ и членов коллегии, проживающих и работающих в уездах, контролировалась уездными уполномоченными Новгубсуда совместно с представителями губернской коллегии защитников не менее четырех раз в год. Обследованию подлежала в первую очередь деятельность адвоката в сфере оказания юридической помощи как в месте проживания, так и в областях, устанавливаемых выездов в соседние районы (волости, фабрики). Результаты обследования излагались комиссией в особом акте. Уполномоченными ЧКЗ были назначены адвокаты Раевский — в Боровичском уезде, Пашковский — в Старорусском, Самсонов — в Демянском, Зимнев — в Валдайском, Кудрявцев — в Маловишерском [7].

В 1927 г. в связи с введением в СССР нового административного деления Новгородская губерния была упразднена. Ее территория вошла в состав обширной Ленинградской области. Фактически же работа Новгородской окружной коллегии защитников продолжалась. В состав нового адвокатского образования вошли все без исключения члены упраздненной коллегии.

Общепринятое мнение исследователей советской адвокатуры А.Я.Кодинцева, Н.А.Троицкого [8] и многих других ученых, что советская адвокатура сформировалась после 1917 года, совсем не означает, однако, что она превратилась в исключительно советский институт. Действительно, коллегии защитников тесно работали с партийными и государственными органами, но, несмотря на это, они не стали придатком бюрократической иерархии советского государства и остались, по крайней мере формально, самоуправляемым объединением. Будучи негосударственными организациями, коллегии могли самостоятельно решать некоторые вопросы профессиональной деятельности, касающиеся дисциплины и финансовых расходов. Вероятно, во многом потому, что коллегии могли привлекать на работу специалистов, ру-

ководствовавшихся принципом законности в своей профессиональной деятельности, а не принципом партийности. Правильным и логичным представляется мнение Юджина Хаски о том, что, если адвокатуры и была гарантирована некоторая неприкосновенность со стороны государственного бюрократического аппарата, то только потому, что существование формально самоуправляемой корпорации было необходимо как свидетельство законности советской правовой системы внутри страны и за рубежом [9].

1. Хаски Ю. Российские адвокаты и советское государство. Происхождение и развитие советской адвокатуры 1917-1939. М., 1993. С.6,30.
2. Быковская Е.А. Адвокатура Новосибирской области в 1920-1980-е годы. Новосибирск, 2003. С.25-125.
3. Декреты советской власти. М., 1957. Т.1. С.124-125.
4. Положение о коллегии защитников. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1353.htm (дата обращения: 28.02.2012).
5. Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1966-1969. Т.2. С.245,246; Т.8. С.96.
6. Быковская Е.А. Указ. соч. С. 25-125.
7. Степанов Л.В. История адвокатуры Новгородского края. Великий Новгород, 2005. Режим доступа: <http://apno.home.nov.ru/histori3.htm> (дата обращения: 28.02.2012).

8. Троицкий Н.А. Адвокатура в России как юридический, политический и культурный феномен. Сб. очерков. Т.1. М., 2009. С.44-45.; Козинцев А.Я. Советская адвокатура до и после Великой Отечественной войны (с 1936 по 1938 и с 1945 по 1955 годы). Сб. очерков. Т.1. М., 2009. С.66-67.
9. Хаски Ю. Указ. соч. М., 1993. С.170.

Bibliography (Transliterated)

1. Xaski Yu. Rossijskie advokaty i sovetskoe gosudarstvo. Proisxozhdenie i razvitie sovetskoj advokatury 1917-1939. M, 1993. S.6,30.
2. Bykovskaya E.A. Advokatura Novosibirskoj oblasti v 1920-1980-e gody. Novosibirsk, 2003. S.25-125.
3. Dekrety sovetskoj vlasti. M., 1957. T.1. S.124-125.
4. Polozhenie o kollegii zashhitnikov. Rezhim dostupa: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1353.htm (data obrashheniya: 28.02.2012).
5. Koni A.F. Sobr. soch.: V 8 t. M., 1966-1969. T.2. S.245,246; T.8. S.96.
6. Bykovskaya E.A. Ukaz. soch. S. 25-125.
7. Stepanov L.V. Istoriya advokatury Novgorodskogo kraja. Velikij Novgorod, 2005. Rezhim dostupa: <http://apno.home.nov.ru/histori3.htm> (data obrashheniya: 28.02.2012).
8. Troickij N.A. Advokatura v Rossii kak yuridicheskij, politicheskij i kul'turnyj fenomen. Sb. ocherkov. T.1. M., 2009. S.44-45.; Kodincev A.Ya. Sovetskaya advokatura do i posle Velikoj Otechestvennoj vojny (s 1936 po 1938 i s 1945 po 1955 gody). Sb. ocherkov. T.1. M., 2009. S.66-67.
9. Xaski Yu Ukaz. soch. M., 1993. C.170.

УДК 719:72

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А.Ю.Прокофьев

Гуманитарный институт НовГУ, leningradskoe@mail.ru

В статье исследуется проблема формирования правовой базы государственного контроля в сфере охраны памятников истории и культуры.

Ключевые слова: *право и культура, история законодательства о культуре, сохранение культурного наследия*

The problem of formation of legal base for the state control in the field of protection of historical and cultural monuments is investigated in this article.

Keywords: *law and culture, culture legislation history, preservation of cultural heritage*

Становление институтов государственного контроля за сохранением и использованием памятников истории и культуры насчитывает многовековую практику. В Европе первым примером охранного законодательства можно считать принятый в Швеции в 1666 г. закон об охране памятников культуры [1].

В России законодательное закрепление учета и сохранения объектов культурного наследия начинается с Указа Петра I 1718 г. о собирании вещей для Кунсткамеры. Далее каждый последующий акт государственных органов, нацеленный на установление государственного контроля над культурным и историческим наследием, расширял сферу правового регулирования, охватывая ранее не попадавшие под административные нормы отношения.

В 1826 г. последовало распоряжение всем губернаторам собирать данные о состоянии старых замков и других зданий. В 1869 г. Московское архео-

логическое общество выработало проект об охране древних памятников, разделив их на четыре категории: 1) памятники архитектуры; 2) памятники письменности; 3) памятники живописи; 4) памятники ваяния, резьбы и изделий из золота, серебра, меди и железа [2].

В 1884 г. был разослан циркуляр Министерства внутренних дел «О подтверждении распоряжений о запрещении кладоискательства и о порядке сдачи археологических находок».

Установление Советской власти не могло не ознаменоваться кардинальными изменениями в нормативном регулировании статуса культурного наследия России. Достаточно вспомнить Декрет СНК от 5 октября 1918 г. «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». Только за первый год Советской власти было